Кристина Выборнова

Осечка и собачка

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Кристина Выборнова

Осечка и собачка

«Автор»

2026

Выборнова К.

Осечка и собачка / К. Выборнова — «Автор», 2026

Опытный психолог Наталья Алексеевна получает клиента из силовых структур - подполковника Колина Розанова, блестящего сыщика с артистической внешностью и психикой, изъеденной тревогой, ОКР и «вещими» снами. Но за его болтливостью и обаянием прячется тайна, о которой он не может говорить. И психолог должна успеть раскрыть ее и помочь тому, кто сам привык быть спасателем других. Пока не стало слишком поздно.

© Выборнова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Первая сессия 5
В 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Кристина Выборнова
Осечка и собачка

Первая сессия

Психолог была опытной, немного утомленной и чуть ироничной. За свои 55 лет жизни и 25 лет работы она повидала всякое, и часто ей предлагали сложные тяжелые случаи. В последнее время она еще и сотрудничала с силовыми структурами, которые регулярно подкидывали ей клиентов на краткосрочную терапию, как они выражались, «подлечить голову». Обычно такие клиенты приходили, мягко говоря, не добровольно, выглядели хмурыми и немотивированными, да и внешность их не располагала к душевным беседам. Стриженые под машинку, широкоплечие, с неподвижными лицами — просто выяснить, какие у них проблемы, уже было трудной задачей, не говоря уже о терапии.

Но психолог справлялась. И, наверное, поэтому ей прислали этого клиента — точнее, сказали, что порекомендовали ему обратиться именно к ней. Клиент работал в специальном подразделении полиции на какой-то высокой должности и, что удивительно, соглашался встретиться добровольно.

Встречались они вечером, в восемь. Уже подуставшая за день приема психолог пила кофе, пытаясь собраться. Клиент наверняка сложный, как все люди этой категории… Она еще не допила чашку, когда в дверь постучали четким ритмом типа какого-то песенного мотива и неожиданно звонкий тенор поинтересовался, можно ли войти.

Впрочем, судя по тому, что дверь тут же распахнулась, вопрос был формальным, что неудивительно: люди из полиции не отличались терпением и вежливостью. Удивительнее было смотреть на самого посетителя. Несмотря на весь опыт, покажи ей такого человека на улице, и работа в силовых структурах — последнее, что пришло бы ей в голову, глядя на него.

Он походил на какого-то артиста: очень высокий, худой, неопределенного возраста что-то около сорока лет, с порывистыми, но изящными движениями, да еще и с гривой каштановых волос, которые рассыпались по плечам тонкого светло-красного свитера. Кроме свитера, на нем были обычные темные джинсы и черные ботинки, точнее, даже полусапоги с высокой шнуровкой, хотя на улице стояла почти летняя погода. Черты лица яркие и не вполне славянские: большие карие глаза, длинный нос, сильно выраженные скулы, смуглая кожа… Когда он приветственно улыбнулся, стало видно крупные белые зубы с немного неправильным прикусом — они слишком выступали вперед. Очень легко было представить подобного человека, собирающего цветы после удачного спектакля, и очень трудно, почти невозможно — что он в кого-то стреляет, ведет допрос и сидит в засаде.

Впрочем, когда он заговорил, это впечатление немного покосилось. Без приглашения плюхаясь в кресло, он выдал формальной скороговоркой сквозь зубы, не теряя улыбки, но и не улыбаясь глазами:

- Наталья Алексеевна? Здравствуйте, я от майора Харлампиевой, подполковник Розанов Колин Александрович, начальник специального отдела «Прикрытие» по расследованию особо тяжких преступлений.

- Очень приятно, Колин Александрович, - как можно четче выговорила психолог, слегка наклоняя голову и про себя надеясь, что правильно расслышала необычное имя посетителя. — Я так понимаю, вам будет комфортнее общаться на «вы» и по имени-отчеству?

- Ой, да мне без разницы, - вдруг резко сменив интонацию, отмахнулся полицейский. — Хотите на «вы», хотите на «ты», можете даже называть меня Сергеем вместо Колина — это

мое имя по поддельному паспорту. Строгий формализм — не совсем мое. По мне, наверное, видно, - добавил он с усмешкой.

- Ну, в общем-то, да, но чтобы стать своими, надо сначала познакомиться… Давайте компромиссно: на «вы», но по имени, без отчества, - решила психолог. Что-то ей подсказывало, что тыкать Розанову, при всей его внешней готовности к контакту, не присмотревшись, не стоит.

- Ладненько, - тут же согласился он и, уперев локти в ручки кресла, постучал друг об друга кончиками пальцев. — Ну, надо с чего-то начать. Первая встреча так и так вводная, и мне, судя по тому, что я знаю о психологах, надо вам рассказать о моем трудном детстве, наборе травм и типе личности. Кстати насчет типа личности — у меня есть тесты, которые нам регулярно давали: работа-то сложная, проверяют часто, не поехали ли мы мозгами. Так вот, у меня это есть, могу вам переслать куда скажете. Хотел распечатать, но с бумажками не с руки было бегать, еще и замотался…

Слова из него сыпались в очень быстром темпе и совершенно без пауз. Психолог в течение его речи несколько раз открывала рот, но сразу закрывала обратно и слушала дальше, с любопытством поглядывая на клиента. Необычная психика и необычная личность для полицейского. Но, судя по должности, он работает в структурах долго и вполне успешно. Истероидный радикал просматривался четко, еще, возможно, нарциссизм… За счет нарциссизма он и вывозит? Желание популярности? Но в СМИ о Розанове она вроде ничего не читала, хотя фамилия почему-то знакомая. Что-то брезжит. Давно было. Аэропорт… Почему аэропорт?

Психолог встряхнулась и попыталась переключить внимание на содержание речи клиента. Тот за время, пока она отвлекалась, успел сообщить кучу подробностей о себе: что он к психологу не ходил, но «какой-то старикашка» читал у них лекции по психологии, что он женат и у него есть сын, которому три года, что у него есть сестра-близнец и приемная мама, которая живет в деревне в Тверской области и выращивает там, кажется, овец… Информации становилось все больше, запомнить ее не было никакой возможности, еще и при таком диком темпе речи. Психолог кивала и покорно слушала. От пронзительного голоса Розанова у нее слегка звенело в ушах, стакан, стоявший перед ним на столике, при особенно громких восклицаниях начинал вибрировать. Слова он выговаривал хоть и быстро, но четко, и в целом его речь была хорошо структурирована, а словарный запас выдавал человека, который очень много читает. Быстрое мышление, скорее всего, очень высокий интеллект, а вот психика… Зачем он пришел?

Психолог слегка вздрогнула: Розанов, не переставая болтать, вдруг бросил на нее внимательный взгляд, и ей показалось, что по ней снизу доверху прошел сканер. «Отсканировав», он, к изумлению психолога, замолчал и сделал предупредительный жест обеими руками в ее сторону:

- Говорите. Вы же что-то хотели сказать?

- Да-да, спасибо, - улыбнулась психолог, умолчав о том, что «хотела сказать» она еще десять минут назад. — Информации на первый раз более чем достаточно. Я буду еще уточнять, потому что не совсем все запомнила…

- А, так вы бы сказали. Я вам это тоже могу записать и прислать. Надо?

Ничего себе какая склонность к обслуживанию людей, причем совершенно посторонних! Психологу показалось, что, если она скажет, что ей, например, скучно, Розанов тут же предложит для нее спеть или станцевать.

- Вы, случайно, искусством никаким не увлекаетесь? — в такт своим мыслям спросила она.

Розанов улыбнулся более нормальным образом: зубы оскалились слабее, зато теперь и глаза прищурились.

- Да-а, конечно. Это тоже по мне видно. Меня часто с артистом путают вообще. Так-то я в свое время на актерский хотел поступать, но потом вот… Короче, я умею довольно прилично петь, выступал с хором, занимался танцами и тоже выступал в детстве с сестрой — ну и цирковая школа, но это больше для работы пригодилось… Рисовать еще умею, но средненько. Просто в художку ходил. Фоторобот ваш нарисовать могу, если пропадете.

- Постараюсь не давать вам такой возможности, - рассмеялась психолог. — Но да, по вам видно, что вы творческая личность. Интересно, как вам удается так долго работать в структурах?

- Да у нас там творчества тоже хоть жопой жуй, - экстравагантно выразился Розанов. — Чего только не выдумываем. Один раз даже бабой пришлось переодеться. Баба из меня, конечно, своеобразная вышла, длинные волосы тут не помогают… У нас подразделение такое, где народ больше расслабленный и на обычных людей похож. Работа под прикрытием же часто. И потом, именно в работе я, как та злющая дворовая собака, могу полностью реализовать себя.

- А, это вы про агрессию?

- Ну естественно. Подраться я не дурак, вы не смотрите на мой артистический вид, - он хмыкнул и поудобнее устроился в кресле.

Что-то мелькнуло в его динамике движений, выражении лица, по чему психолог поняла: да, подраться и правда не дурак. И агрессии у него может быть у него ой как много, пусть и не той, которая бывает у людей-шизоидов: скорее той, что от нервной раздражительности. В детстве такие типажи обычно бьют кого попало из-за сиюминутной обиды, а потом сами в этом раскаиваются.

- Вы насчет проблем с агрессией и пришли? — попыталась она подтолкнуть клиента к теме встречи.

- Ой, да вы что, я как в том анекдоте, от драчливости не страдаю, а наслаждаюсь ей, - Розанов снова взмахнул руками — вообще он много жестикулировал. — Пришел я скорее… из-за тревожности.

- Вы много тревожитесь?

- Ну да.

- Хорошо, тогда…

Но психолог тут же поняла, что рано обрадовалась. Клиент опять ее перебил, начав болтать с удвоенной силой. Кажется, он пытался рассказать ей, в чем выражается его тревожность, но количество слов не помогало. О тревожности он и говорить начал тревожно: темп речи стал еще быстрее, хотя казалось бы, куда уж, логика посыпалась — он скакал с мысли на мысль, глядя в никуда между плечом психолога и окном, и даже не жестикулировал, словно та самая тревога обрубила ему подвижность. Психолог снова машинально начала кивать и, что было делать, пытаться улавливать смысл речи клиента, раз уж вставить слово он ей все равно не давал.

Выходила снова какая-то каша. Как она с большим трудом поняла, его беспокоят «вещие» сны, «предчувствия», которые то сбываются, то нет, и это приводит к тому, что он иногда пытается соблюдать какие-то «приметы», но это снова не всегда помогает, и близкие от этого устают и жалуются… ОКР-симптомы, понятно. Довольно яркие, видимо — вон он какой взбудораженный. Как же все-таки это сочетается с его работой? Как можно совмещать «приметы» и руководство отделом особо тяжких?

Психолог подняла руку, как в школе, но это не помогло. Пришлось откинуть руку в сторону окна и помахать ей перед глазами клиента. Тот наконец перевел на нее взгляд и снова предупредительно затормозил свою хаотичную речь.

- Да, что вы хотели спросить?

- Благодарю за паузу. Я хотела спросить, ваши «приметы и предчувствия» сильно мешают вам в работе?

- Я вас заболтал, да? — спросил он быстро. — Вы меня прерывайте, можете даже орать — у меня язык без костей, все так говорят. Нет, приметы мне в работе вообще не мешают, даже помогают иногда, коллеги и подчиненные не жаловались.

- А кто жаловался? Жена? Сын?

- Ну, сыну-то на это похеру, он еще слишком тупой, - ошарашил психолога Розанов смачным высказыванием и махнул рукой. — Мозг, короче, у него не настолько пока развит, чтобы критически подходить к поведению родителей. Остальные близкие жалуются: жена, сестра, мама…

- А-а, - отозвалась психолог, напряженно глядя на клиента. У нее почему-то появилось ощущение, что тот что-то от нее скрывает. Специально или нет? Учитывая его профессию, скрытность — нормальное дело, но у него она маскировалась потрясающей болтливостью. Впрочем, да, оболтав весь язык, он действительно умудрился почти ничего о себе не сказать.

Розанов тут же уловил ее сомнения и начал спрашивать:

- Вам что-то непонятно? Я могу пояснить, просто не знаю, чего конкретно вам надо. Если вы не запомнили, как именно я дурю, то я, опять же, могу это записать и прислать вам или…

- Стоп, стоп, Колин, - психолог наконец назвала его по имени, и это подействовало: он вскинул на нее взгляд и перестал болтать. — Давайте для начала, знаете что… Подышим.

- Спасибо, я уже дышал, - отозвался он машинально.

- Когда? Вчера?

Они оба рассмеялись. Психолог немного расслабилась, уловив наконец нечто похожее на реальный человеческий контакт, и открыла было рот, но где там: Розанов снова заговорил:

- Вы имеете в виду дыхательные упражнения? По квадрату, что ли, подышать, типа вдох-выдох на 5 счетов? Я еще знаю упражнения из фридайвинга, их как сделаешь, реально можно со вчера не дышать…

Психолог слегка подняла руку, и он умолк. Обучается, значит, тоже быстро: на этот раз не пришлось пред ним махать. Приспосабливаемость у него вообще была грандиозная, будто у хамелеона или осьминога в человеческом обличье. Психолог заподозрила, что, если они подольше позанимаются, он может перенять даже ее манеру говорить и начать «вести» сеансы вместо нее. Он и без того все время перехватывал инициативу, но не так, как это делают «доминантные» мужчины, чтобы быть главным — скорее, от желания все проконтролировать. Учитывая сильные ОКР-симптомы, это неудивительно.

- Скажите, вы какие-то лекарства принимали от тревожности? — спросила она наконец. — Вы правы, что решили пойти в психотерапию, но фармподдержка тоже нужна, особенно на первых порах.

- Да, принимал периодически, - Розанов перечислил несколько противотревожных препаратов. — Но, во-первых, не больно-то они помогают, только в сон от них клонит и башка тормозит, а во-вторых, мне на работе надо сохранять внимательность и быстроту реакций, а таблетки мешают. Я даже антидепрессанты пробовал принимать после развода с первой женой — тоже поэтому не пошло, пришлось самому с собой разбираться.

- Я вижу, личность вы самостоятельная, - не выдержала психолог, сдобрив легкое ехидство улыбкой. — Вы, думаю, хотели бы не только свои реплики произнести на встрече, но и мои? От этого не так тревожно?

- В некотором роде, - рассмеялся Розанов, не обидевшись. — Да я же говорил, что люблю болтать. Но если вы мне расскажете правила, я буду их соблюдать. Тут не положено столько разговаривать?

- Ну что вы, наоборот, клиент должен говорить большую часть времени. Если вам было неприятно, я сожалею. Я просто хотела бы познакомиться… именно с вами, а не с огромным количеством фактов вашей, несомненно, очень насыщенной жизни. Вы меня понимаете?

- Наверное, - сказал он с сомнением и слегка подобрался в кресле.

Что с ним такое? Напряжение? Недовольство? Страх? Психолог глубоко вздохнула и расслабилась, чтобы клиент немного расслабился тоже.

- Ну, Колин? — спросила она после паузы, за которую Розанов в кои-то веки не попытался открыть рот. — Что у вас случилось? Я ведь так поняла, что тревожным вы были всю жизнь. А пришли-то именно сейчас.

И вдруг клиента на ее глазах буквально вырубило. Другого слова не подобрать — он выглядел как компьютер, которого посреди работы резко выключили кнопкой. Плечи поднялись, руки зависли на полужесте где-то в воздухе, глаза потемнели и погасли, лицо превратилось в неподвижную маску и сразу стало выглядеть гораздо более суровым. Теперь вот вполне можно было поверить, что такой человек работает в структурах. Психолог не ожидала, что он в это состоянии начнет говорить, но тем не менее он начал: в десять раз медленнее, более тихим и низким голосом:

- Да, тут недавно было… Ну, относительно недавно. Полгода. В общем, тогда…

Он оборвал себя и замолчал со странным выражением лица, наклонившись вперед и вцепившись побелевшими пальцами в ручку кресла, будто у него началась резкая физическая боль. Психолог забеспокоилась:

- Вы нормально себя чувствуете?

- Что? А, да, нормально. Просто я… - он снова замолчал и несколько раз переглотнул. Взгляд его в это время блуждал по комнате, расфокусированный и беспомощный. Психолог вдруг заметила то, чего вроде бы не было, когда он пришел: левый глаз явно смотрел в сторону. Расходящееся косоглазие? Откуда оно взялось? Только инсульта прямо в кабинете не хватало!

- Колин! — окликнула она клиента, привставая с кресла.

Он посмотрел на нее и, к счастью, глаза его собрались обратно в нормальное положение. Значит, физически он в порядке, просто, видимо, такая сильная фрустрация.

- Совсем не можете об этом говорить? — спросила она тихо.

Он опустил глаза и принялся ковырять какую-то невидимую дырочку на своем рукаве.

- Да, не могу.

Некоторое время оба молчали. Розанов продолжал ковырять рукав, психолог быстро размышляла. Что с ним делать? Пытаться идти дальше? Нет, это очень рискованно; время сеанса подходило к концу, если у него пойдут сильные аффекты, она не успеет его «собрать». Травма там, судя по всему, была грандиозная: симптомы ПТСР так и светились. Да и свежая, всего полгода давности… Психолог покачала головой и, набрав воздуха, заговорила очень медленно и мягко, отслеживая буквально каждое микродвижение клиента:

- Колин, я вижу, у вас действительно произошло что-то… как будто настолько ужасное, что вы говорить об этом не можете. Не волнуйтесь, это довольночасто бывает при так называемом постстрессовом расстройстве. Мы можем в эти воспоминания входить постепенно. Если хотите, поговорим о какой-нибудь более мелкой проблеме. А потом я вам покажу несколько упражнений, которые помогут уменьшить фрустрацию, например, проведете дома сеанс EMDR по видео. И потом будем эту кучу понемногу разбирать. Если не получается сейчас рассказать — ничего страшного. У нас будет еще время…

- Давайте я вам напишу, - резко прервал ее мысль Колин, и у психолога появилось сомнение, что он ее вообще до того слушал. Глаза его снова смотрели прямо, но немного покраснели и лихорадочно поблескивали. — Писать я точно могу, - он рывком перегнулся через ручку кресла и достал из своей потрепанной кожаной сумки небольшой ноутбук. — Подождите, напечатаю минут за пять и перешлю. Как раз у нас восемь минут осталось.

- Восемь минут? — повторила ошарашенная психолог и перевела глаза на часы со стрелками, висящие над головой клиента. Часы, насколько она знала, порядочно отставали.

Розанов постучал себе по большим и развесистым наручным часам с несколькими циферблатами:

- Ну да, восемь минут, я за временем слежу. Сейчас напечатаю и вышлю, дайте только свою почту или телеграм.

- Хорошо, но это вовсе не срочно. Вы тут не на работе и не обязаны…

- Нет, я для того и пришел, чтобы с этим разобраться, - сказал он.

И тут впервые, как проблеск неба из-за сплошной облачности, психологу открылась огромная часть личности клиента. Болтливый беспокойный «артист» с симптомами тревожности и ОКР поблек и стал неважным. Перед ней сидел человек, который обладал адским упорством и огромной гибкостью и выносливостью психики, который умел собираться из ужасного состояния буквально за полминуты и делать то, что «надо». Он привык не опускать руки не только перед жизненными трудностями, но и перед самим собой, и свои страхи обучается обходить примерно так же, как и другие жизненные препятствия — с огромной скоростью. Вот теперь понятно, какой он на работе в своем отделе особо тяжких преступлений. И даже почему его назначили начальником.

Пока психолог умилялась на клиента, чуть не пустив слезу — такие яркие личности ей встречались нечасто — тот все печатал. Пальцы его летали по клавиатуре с космической скоростью, будто он где-то еще подрабатывал набором текстов, лицо было сосредоточено и спокойно. В печати он почти не делал пауз, не считая переноса строк. Интересно, не означает ли это, что и в тексте ей придется продираться через огромное количество письменной «болтовни»? Впрочем, что бы там ни было, пусть печатает, в конце концов это только на пользу, и в первую очередь — ему самому.

Розанов уложился в пять минут и, напечатав показанный психологом адрес почты, щелкнул по кнопке ноутбука.

- Вот, держите. Я же говорил, что времени хватит.

- Ну хорошо. Тогда, если вы придете на следующую встречу, мы можем попробовать что-то с этим сделать. Спасибо вам за доверие, Колин, - психолог поднялась из кресла и улыбнулась.

Он тоже улыбнулся в ответ — слабой, нервной улыбкой, не показывая зубов — тоже вскочил с кресла, на ходу упихивая ноутбук в сумку, отвесил что-то среднее между кивком и полупоклоном и выскочил за дверь, будто за ним кто-то гнался. Дверь хлопнула и отошла.

Психолог покачала головой, медленно подошла к двери и прикрыла ее. Потом глянула на часы и так же медленно пошла к кофемашине. Уже девять вечера, надо бы, конечно, домой… Но сначала — почитать, что же он там написал. Письмо уже висело на почте и мигало очень завлекательно. Психолог до своего солидного возраста сохранила способность к любопытству и удивлению, поэтому кофе выпила, а письмо оставила «на сладкое» и открыла, только допив последний глоток.

После общения с Розановым ожидала она чего угодно: цветистого текста с метафорами, солдафонского юмора и орфографических ошибок, огромного полотна бессвязных слов… Но встретило ее нечто вроде полицейского отчета об осмотре места преступления. Очень правильная грамматика: ни одной ошибки в буквах и все до единой расставленные запятые (психолог по первому образованию была педагогом по русскому), аккуратное деление на абзацы, хорошая структура текста — и практически ноль эмоций.

Если бы умела, психолог бы присвистнула, но она не умела, поэтому просто покрепче надвинула на нос большие очки и принялась по новой вчитываться в текст. Он был таким:

«Может быть, вы полгода назад видели новость от третьего мая о взрыве туристического автобуса, который следовал по маршруту «Москва — Тула». До сих пор непонятно, был это теракт или просто так неудачно сложилось. Там в живых никого не осталось, автобус сошел в глубокий кювет, перевернулся и выгорел полностью. Дело было ночью, поэтому не сразу его заметили и не потушили. На этом автобусе ехали моя жена с сыном».

Психолог прервала чтение и нахмурилась, поднеся руку к горлу, которое стиснуло слабым, но ощутимым спазмом. Так, он ведь упоминал о жене с сыном как о вполне живых людях!

И никаких особо страшных эмоций при упоминании в его голосе не было. Это что же, она упустила психиатрию?! Очень плохо. Человек в полиции работает, может натворить бед, если считает погибшую семью живой… А с другой стороны, как он может считать их живым, если сам сказал, что все погибли?

Тут психолог уперлась глазами в письмо и догадалась все-таки дочитать продолжение.

«Но они вышли на одной из первых остановок, до аварии. С чем это было связано, толком непонятно: жена потом сказала, что сына укачало и он устроил истерику на весь автобус, так что они решили выйти. В автобусе они забыли сумку с запасной одеждой и обувью и еще всякие мелочи вроде термоса. Вышли в районе Чехова, на такси доехали до деревни, где был какой-то маленький пансионат. Тот согласился их принять ночью, места были. Но, поскольку пансионат находился в глубине лесной зоны и недалеко от военных объектов Чехов-2, там как раз в это время были проблемы со связью, то есть ее телефон был недоступен в течение двух суток».

- Очень ясно написано, - вслух похвалила Колина психолог. — Только неясно, где тут травма… К чему он это все? А хотя… Телефон был недоступен… Так, дорогой мой, я догадываюсь, что с тобой случилось.

Догадалась она правильно, что и подтвердил текст:

«Я в это время находился в Москве и работал, у меня отпуска не было. Когда пришла новость об автобусе, я, конечно, приехал на место аварии и посмотрел обгорелые останки и вещи. Большинство трупов было неопознаваемо, потому что, как я говорил, подозревали теракт, то есть были взрывы, а не только возгорание. Но сумка, которую забыла жена, сохранилась достаточно, чтобы я ее узнал. Телефон ее, как я и сказал, был недоступен. Следовательно, пока она не вышла на связь, я думал, что их нет в живых».

На этом письмо обрывалось. Неизвестно, хотел ли Колин написать что-то еще, но ему не хватило времени, или просто сказал, что хотел. А что тут еще скажешь, правда? «Следовательно, я думал, что их нет в живых». Куда уж яснее.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.